

Ли Вэйду хотел было спросить что-то еще, но слова застряли в горле. Чжоу Илэ так безоговорочно доверился ему, на полном серьезеверя заботам Ли Вэйду своего старшего брата, будто был абсолютно уверен: Ли Вэйду в курсе всего, что произошло в семье Цзи Кая в прошлом.

Вот только он не знал ровным счетом ничего.

...Шел конец марта, однако уже несколько дней подряд бушевал холодный фронт, за одну ночь вернувший в воздух почти зимний мороз. В коттеджном поселке и без того всегда было на пару градусов холоднее, чем в городе, так что обстановка и так не баловала уютом, а тут ещё в ту ночь, когда глубоко за полночь закончилась вечеринка и гости разъехались, с негромким щелчком неожиданно погас свет.

Кондиционеры и отопление тут же отключились, и в доме мгновенно похолодало. Беда в том, что управляющая компания находилась в самом городе — даже если электрик прямо сейчас вскочит с постели и помчится на машине, это займет не меньше получаса. Ни до кого не докричаться, хоть плачь. Ли Вэйду горько пожалел о своем решении: и зачем он только создал себе лишние проблемы, купив дом в этой глуши?

К счастью, дома имелся собственный теплый Медвежонок, которого можно было крепко обнять в кровати.

Каким бы интересным ни был внутренний мир, в такой собачий холод душа все равно требует горячего тела рядом. Ли Вэйду с абсолютным умиротворением крепко обнял упругое, невероятно аппетитное тело, испускающее манящий дух теплой плоти, — настоящая полнота жизни.

Единственной ложкой дегтя было то, что во время вечеринки он выпил слишком много алкоголя, и теперь его мучила сильная жажда. А кулер с водой давно опустел.

— Ничего, я сейчас согрею тебе воды.

— Не надо, холодно же!

Цзи Кай усмехнулся:

— В нашем доме холода боишься только ты, а мне хоть бы хны.

С этими словами он откинул одеяло, накинул одежду и вышел в гостиную.

«В нашем доме...» — сердце Ли Вэйду сжалось от нежности. Слушая его успокаивающие шаги, он свернулся калачиком в постели, ловя остатки чужого тепла, и зажмурился.

«Теперь и я — твой дом, верно?»

«Что бы ни случилось с твоей семьей в прошлом, по крайней мере сейчас у тебя есть я».

Не прошло и нескольких десятков секунд, как Цзи Кай, шаркая тапочками, вернулся в слабом свете луны:

— Похоже, электрики перестраховались от аварий или вроде того. Газ тоже отключили, конфорка не зажигается.

Ли Вэйду хотел уже сказать, чтобы тот бросил эту затею, но Цзи Кай хлопнул в ладоши:

— Не беда, у меня есть идея!

...

Странный шум заставил заинтригованного Ли Вэйду накинуть пальто и вылезти из кровати.

Толкнув дверь во двор, он обомлел: с сияющими глазами и вытянутыми от изумления губами он наблюдал за тем, как дикий Медвежонок устраивает мастер-класс по выживанию в дикой природе.

Именно так: Цзи Кай прихватил из кухни почти не использовавшийся немецкий обвалочный нож и прямо сейчас во дворе заготавливал дрова из сухих веток. Сноровисто и быстро рубил и колот щепу, затем нарвал сухой травы, сложил горкой на каменном выступе во дворе и щелкнул зажигалкой.

Вспыхнуло пламя, и сухие ветки весело затрещали.

Ли Вэйду смотрел на это, словно ребенок на салют, и даже забыл о морозе. Хотя во дворе стоял дубак, наблюдать за действиями Цзи Кая было до того любопытно!

Цзи Кай с улыбкой качнул головой — надо же такому удивиться! — и притянул его ближе к костру, чтобы тот согрел руки. Мажор из мегаполиса явно был лишен нормального детства. А вот сам Цзи Кай в молодые годы с Чжоу Ианем чего только не вытворял: и костры жгли, чтобы жарить кузнечиков, и рыбу с раками ловили, и на чужие кукурузные поля за початками лазали. О каких еще навыках выживания тут говорить — эка невидаль!

Полчаса спустя Ли Вэйду держал в руках чашку с драгоценной горячей водой, словно величайшее сокровище, и, свернувшись на кровати, прижимался к теплой груди Цзи Кая, дуя на пар.

Допив воду, он так и не смог уснуть. Лежа в теплых объятиях Медвежонка, он смотрел на звезды через мансардное окно.

— Цзи Кай, скажи честно.

— Когда я заставлял тебя учиться и говорил, что отправлю в институт... ты ведь думал, что я ужасный деспот и просто ищу повод придрататься?

Длинные пальцы Ли Вэйду были переплетены с его пальцами. Цзи Кай тихо рассмеялся и потерлся подбородком о его плечо:

— Ну что ты, с чего бы? Я ведь сам тебя сначала подначивал. К тому же ты желал мне добра, я это знаю.

Ли Вэйду немного помолчал, уйдя в себя, а потом запнулся и произнес:

— На самом деле с тех пор, как мы вместе, я ни разу по-настоящему на тебя не злился. Я всегда считал тебя замечательным и чувствовал себя невероятно счастливым. Я знаю, иногда со стороны кажется, будто я вредничаю или капризничаю, но это всё лишь потому, что...

...Лишь потому, что с самого детства он никогда не был так счастлив.

Он даже представить себе не мог, что однажды испытает такое счастье. Сладость проникала до самых костей: оказывается, мир может быть настолько прекрасен, оказывается, кто-то

замечательный может относиться к нему с такой теплотой! Но эта сладость порой бредила старые раны.

Вспоминая, через какую боль и одиночество ему пришлось пройти раньше, он невольно превращался в ребенка, пережившего сотни невзгод и наконец нашедшего дорогу домой, которому так хотелось без конца капризничать и ластиться к любимому человеку.

...А ведь он едва не забыл.

Теплый Медвежонок рядом с ним, Медвежонок, которого можно в любой момент обнять и поцеловать, вовсе не обязательно был таким уж несломимым и сильным.

Просто он с давних пор привык к тому, что все приходят к нему за теплом и объятиями, привык быть пушистым укрытием для других. Но никто никогда не обнимал его самого и не спрашивал: «Ты в порядке?»

Ли Вэйду отчетливо помнил: даже разводясь, этот человек не пролил ни слезинки, вечером отправился жарить мясо и хохотал в компании друзей, ничем не выдавая перенесенного удара.

И всё же, находясь на грани жизни и смерти, он назвал имя Чжу Лина.

...

Поставив чашку на тумбочку, директор Ли поднялся и сел верхом на Медвежонка лицом к лицу. В ту ночь лунный свет был очень тусклым, и в этом полумраке он набрался решимости, сжигая за собой все мосты.

— Цзи Кай, ты мне правда, правда очень нравишься.

Дыхание замерло. Голос звучал глухо и хрипло, в ушах отдавался тревожный стук собственного сердца.

— Только что я слышал от Чжоу Ианя, что в твоей семье в прошлом... кое-что произошло.

Тело, к которому он прижимался, едва ощутимо вздрогнуло.

— Ты почти никогда не рассказываешь о своей семье. А я... я даже не догадался спросить. Это так непростительно с моей стороны... Наверное, я просто слишком сильно тебя люблю, радовался каждому дню и думал только о нашем счастье... И в итоге ничего не знаю о твоём прошлом.

— Ты не виноват.

Произнося это, Цзи Кай сделал неосознанный жест — попытался найти сигарету.

Но они были в постели, Ли Вэйду лежал сверху, к тому же сам Цзи Кай уже давно бросил курить. Сигарет не было.

Ли Вэйду видел всё это. Даже в такой момент Медвежонок пытался скрыть свое смятение и уберечь его чувства:

— Дело во мне, я сам ничего не рассказывал. О семье... я вообще не очень люблю говорить с людьми.

...Столько времени обнимая этого теплого и мягкого Медвежонка, Ли Вэйду впервые наткнулся на невидимую стену, сквозь которую не мог пройти.

Но в то же время впервые в жизни у него не было ни капли разочарования или жалости к себе. Он просто протянул руки и сжал человека в своих объятиях еще сильнее.

В тишине словно прозвучал внутренний голос: до этого дня, до этого самого мгновения он, возможно, лишь отчаянно жаждал его самого.

Жаждал быть любимым, жаждал счастья, спасения и уюта.

А теперь в нем внезапно пробудилась неведомая сила, и его единственным желанием стало полностью стать частью мира этого человека. Найти в темном глухом лесу прячущегося Медвежонка, стать его опорой, его надежным тылом, разделить с ним его прошлое, настоящее и бесконечное будущее.

В тишине Цзи Кай прижался к нему крепче. Его голос звучал прерывисто, с щемящей хрипотцой:

— Я очень боялся... Боялся, что если заговорю, то мне снова станет больно и больно, да и тот, кто слушает, тоже расстроится.

— Раньше Чжоу Иань, то есть отец Чжоу Ианя, часто повторял мне: «То, что уже не исправить, лучше похоронить в памяти. Только забыв всё, можно взять себя в руки и жить дальше».

— Он говорил, что мои родители и сестра наверняка тоже хотели бы, чтобы я был счастлив.

В бескрайней ночной тьме узкие глаза Ли Вэйду закрылись и снова открылись, вспыхнув чистым светом звезд.

Он испытывал невероятную гордость: Цзи Кай не возвел стену, не закрыл свое сердце — по крайней мере, от него.

История неспешно лилась. Ли Вэйду, выросший в холодном роскошном особняке, не мог вообразить яркое солнце маленького городка, сверкающие блики на воде и шелест плакучих ив, о которых рассказывал Цзи Кай.

Но слушая его повествование, он действительно словно видел в темноте две четкие линии судьбы. Озаренные слабым мерцанием звезд, две совершенно разные жизни наконец переплелись и слились в единое целое.

В тот момент Ли Вэйду еще не знал.

Об этом — обо всем, что случилось в прошлом Цзи Кая, — тот не рассказывал даже Чжу Лину.

<http://bllate.org/book/18382/1767881>